

УДК 159.9+316.6

**Н. Н. Тепляков**

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии  
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

**Е. В. Азаркина**

старший преподаватель кафедры социальной психологии  
Одесского политехнического университета

## **ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОБЩЕСТВА**

В статье рассматриваются проблемы трансформации мотивационной сферы и ценностных ориентаций личности в условиях формирования новых методологических парадигм. Проводится дифференциация понятий «ценности», «ценностные представления» и «ценностные ориентации», девиантное и делинквентное поведение. Представлены результаты экспериментального исследования трансформации системы ценностных ориентаций и мотивационной сферы личности.

**Ключевые слова:** трансформация ценностных ориентаций, девиантное поведение, психосемантика сознания, мотивация, семантические пространства, личность.

Происходящие в нашей стране преобразования во всех сферах общественной жизни (переход экономики на путь рыночных отношений, закрытие большого количества промышленных предприятий и градообразующих промышленных комплексов, бесконтрольное господство западных образцов и стандартов жизненных и моральных ценностей и другие негативные факторы привели к существенным трансформациям сфер сознания личности, т. е. к росту девиантных форм поведения молодежи, переходящих в разряд преступных деяний. Объяснение и исследование этих трансформационных тенденций ведется в философии, социологии, экономике, педагогике, психологии, синергетике, культурологии и других науках, где происходящие трансформации выступают специфическими детерминантами не только на тот или иной класс жизненных ценностей, но и на самую главную, базовую жизненную парадигму — на ценность «жизнь-смерть». И если для политиков, философов, экономистов тенденции этих трансформаций были понятны и находили свое прогностическое объяснение в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и других философов и политиков, то для психологии, педагогики, юриспруденции и других наук данная проблема обозначилась с особой остротой и актуальностью в новых ракурсах и аспектах. Первыми под пресс этих общественно-экономических трансформаций попадают подростки, юноши, представители различных молодежных субкультур, которые, не имея за плечами необходимого жизненного опыта и сформированных установок, ценностных ориентаций ока-

зываются на проблематичной территории девиантного и преступного поведения. Так, по мнению Д. А. Алисова городскую молодежь к такого рода трансформациям приводит целый комплекс факторов: недостаточный уровень профессионально-квалификационного, неудовлетворенность молодежи жилищными условиями и длительная материальная зависимость от родителей, резкий рост стандартов образа жизни; недостаточное удовлетворение интересов и запросов молодежи в сфере досуга, резкая коммерциализация и «массовизация» сферы культуры; отказ от идеологических ценностей старших поколений, высокие темпы маргинализации и кризис самореализации личности в обществе [1]. Человек в этих условиях перестает быть «хозяином мира» и своей судьбы, и превращается в марионетку тех ситуаций, которые сам себе и сотворил.

Начинают давать сбои механизмы социализации и идентификации, в результате которых человек дезориентируется в социальном пространстве [7], происходит легитимизация и популяризация криминальных ценностей и норм морали [3; 2]. Именно эти факты и маргинальное состояние молодежи в переходный период вывели на передний план психологии проблему трансформации мотивационной сферы личности и ее ценностных ориентаций.

Перед психологией возникла необходимость в исследовании не только качественных и количественных показателей системы ценностных ориентаций и мотивационной сферы личности, но и тех позитивных и негативных трансформационных тенденций, которые обуславливаются детерминантами различного порядка. Из всех предложенных в психологии форм существования норм и ценностей нас будут интересовать только три из них: культурно-историческая форма, опредмеченная и личностно присвоенная форма (на уровне личностных смыслов сознания субъекта).

В рамках нашего исследования особый акцент делается на последней форме, т. е. на уровне личностных смыслов системы ценностей и ценностных ориентаций. По сути, здесь идет поиск ответа на вопрос: «Как та или иная общественная норма или ценность, ставшая, в процессе интериоризации, достоянием сознания конкретной личности, т. е. приобретя определенный личностный смысл, может вступать в конфликт с общественно значимыми (зафиксированными в культурно-историческом наследии этого общества и зафиксированными в соответствующих кодексах и билах) нормами и ценностями? Пытаясь ответить на данный вопрос Джон Дьюи писал следующее: «Нормы морали и этики как составные компоненты системы ценностей личности, — по его мнению, — не являются постоянными, вечными, неизменными абстракциями (вневременными абстракциями), вневременными сущностями. Они возникают, порождаются и актуализируются в конкретных ситуациях, в которых и нормы и категории этики служат тому, чтобы эти проблемы (возникшие в конкретных ситуациях) разрешать лучшим способом, т. е. они становятся вторичными в формировании конкретного поведения» [9].

Такая трактовка природы ценностей, на наш взгляд, носит ситуационный, вероятностный, неуправляемый характер, динамика которого дикту-

ется элементами прагматики и чувственно переживаемой сферой личности. Правда данная позиция Дж. Дьюи подверглась критике со стороны Л. Митрохиной в которой она оценила ее как релятивистское направление.

На всем протяжении исследования проблемы ценностей и ценностных ориентаций так и не сформировалось единого подхода к определению природы и сущности таких понятий и категорий, как: «ценностные ориентации», «ценностные представления», «ценностные стереотипы», «ценностные идеалы», «ценностная ретроспектива», «ценностные парадигмы», «смысложизненные ориентации» [14; 8; 13; 4; 12; 9; 6].

Некоторый тупик в исследованиях ценностей личности, по мнению ряда отечественных психологов, объясняется тем, что сами ценности рассматривались как самостоятельное психологическое образование. Поэтому неудивительно, что в последнее время стали появляться исследования, в которых ученые, стремясь преодолеть такого рода одноплановость рассмотрения феномена «ценность», обратились к такому методологическому принципу как «системность». Один из представителей такого системного подхода Н. И. Рейнвальд подчеркивал, что для глубокого анализа личности необходимо сопоставить внешнюю характеристику деятельности с ее внутренней, прежде всего мотивационной стороной. Она также отмечает, что точным, «зеркальным» отражением направленности личности, ее подлинных мотивов и потребностей являются ценностные ориентации. Исследования ценностных ориентаций Н. И. Рейнвальд [10] показали, что для глубокого анализа личности необходимо сопоставить внешнюю характеристику деятельности с ее внутренней, прежде всего мотивационной стороной, отмечая при этом, что направленность личности и содержательная сторона мотивационной сферы личности являются своеобразным зеркальным отражением ее структуры ценностных ориентаций

Исследование ценностных ориентаций в структуре сексуального поведения было предпринято в работе М. С. Яницкого, П. Ю. Павленко. Подчеркивая важность сексуального поведения в контексте самореализации личности, авторы стараются выйти за рамки физиологического, эмоционального, ситуативного плана. Стремление авторов рассмотреть проблему регуляции сексуального поведения комплексно, как целостное явление, привело их к такому психологическому феномену как «сексуальный сценарий», в котором системе ценностных ориентаций личности отводится ведущая роль. Как отмечают многие исследователи проблемы трансформации системы ценностных ориентаций и мотивационной сферы, вектор движения этих трансформаций как правило направлен в сторону девиантных форм поведения. В наших экспериментальных исследованиях мы попытались эти предположения проверить.

Актуальность данного ракурса исследования проблемы просматривается невооруженным глазом во всех сферах нашей жизни. Из криминальной хроники приводится вопиющий факт, где девочки убили свою подругу и труп бросили в колодец; где старшие школьники сняли на камеру мобильного телефона избиение младшего по возрасту школьника и этот сюжет разместили в Интернете; где девочки заманили свою подружку в

гости и попросили своих друзей по классу изнасиловать ее, где ученики засняли на видеокамеру мобильного телефона издевательства над преподавателем во время урока, где они не просто кричат и обзывают его, а в активной форме (т. е. в поступках) реализуют свои агрессивные действия. Страшно во всех этих видеофрагментах не только эти агрессивные тенденции и реальные поступки в подростковой среде, а скорее то, что это становится популярным зрелищем и образцом для подражания. Как не печально констатировать, но все эти антиморальные и агрессивные действия подростков совершаются при молчаливом бездействии педагогов, которые должны не только пресекать такого рода поведения, но и осуществлять их профилактику.

Одной из главных детерминант такого рода девиантных форм поведения выступают не столько общественные кризисы и социальные преобразования в обществе, сколько те ценностные ориентации, которые декларируются в обществе как нормативные, эталонные и те средства, которые данное общество предоставляет или узаконивает для их достижения. Как раз этот момент и находит свое воплощение в узком определении девиантного поведения как незначительного проступка, не попадающих под статьи Уголовного кодекса.

Исходя из такого определения девиантности возникает необходимость в конкретизации степени выраженности, приближенности (или включенности) к Уголовному кодексу, т. е. появляется необходимость в обозначении границ, где заканчивается девиантное и начинается делинквентное поведение, и где последнее переходит в криминальное (преступное)? Как показала практика и многочисленные исследования в социологии, политологии, юриспруденции, психологии, педагогике и других наук, эти границы очень условны и динамичны по своей природе. Критической точкой в этом процессе означивания девиантного поведения является качественные и количественные рамки, посредством которых и определяется нормативная база всех сторон жизни человека (начиная от физиологических нормативов и заканчивая этическими, психологическими и педагогическими нормативами).

Отсутствие четких определений и границ означивания девиантных форм поведения граждан в юридической законодательной базе, переводит вектор поиска такого рода критериев в область психологии, религии, морали. Мы можем присоединиться к мнению большинства ученых относительно сущности девиантного поведения. Девиантное поведение личности не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам и ценностям и обусловлено системой взаимосвязанных факторов — как внешних (социально-политических, социально-экономических), так и внутренних (индивидуально-личностных) [5].

Для реконструкции трансформационных тенденций ценностных ориентаций личности использовался тест, составленный Н. Н. Тепляковым для диагностики доминирующих мотивов жизнедеятельности личности [11]. Данный тест направлен на выявление основных, доминирующих мотивов человека, которыми он руководствуется в процессе своей жизнедеятельно-

сти. А поскольку любой мотив сопряжен с определенными целями, интересами, установками и обуславливается ими, то мы имеем возможность посредством экспериментального тестирования выявить иерархию основных ценностей и ценностных ориентаций личности.

Данный тест представляет собой матрицу, в которую включены и расположены соответствующим образом 29 мотивов (по горизонтали) и 18 поступков (по вертикали). Необходимо отметить, что поступки в данном тесте представляют собой своеобразные ценностные ориентации, жизненные ценности и позиции. В задачу испытуемых входило заполнение данной матрицы по шестибальной шкале, от «0» до «5». Испытуемые должны были сопоставить каждый из поступков со всеми мотивами поочередно и выразить степень их соответствия в баллах относительно оцениваемого поступка. Оценку «5» баллов ставят в том случае, если данный мотив максимально соответствует оцениваемому поступку. Оценку «0» баллов ставят в том случае, если данный мотив совершенно не соответствует оцениваемому поступку. Оценки «1», «2», «3» и «4» ставятся испытуемым в зависимости от того, как он субъективно чувствует степень соответствия данного мотива по отношению к оцениваемому поступку.

Выборка была сформирована из учащихся старших классов общеобразовательных школ, студентов политехнического университета и Одесского национального университета в возрасте 17–26 лет. Всего в эксперименте приняло участие 127 человек. После завершения тестирования составлялась общегрупповая матрица данных, которая подвергалась обработке факторным анализом. В результате обработки общегрупповой матрицы, где были зафиксированы результаты испытуемых было выделено 4 ортогональных фактора. Первый фактор был условно обозначен как «оптимистическая — пессимистическая жизненная перспектива», второй фактор получил название «демонстративная ущербность — демонстративная самодостаточность», третий фактор получив название «гуманистическая социальная адаптация — агрессивная социальная дезадаптация», четвертый фактор был обозначен, как «самоактуализация целостного образа «Я» — самоактуализация раздвоенного образа «Я».

Можем отметить, что в плоскости первого фактора, в каждом из приведенных поступков в значительной степени присутствует психологическое время будущего если не в прямом, то в скрытом виде. В общей сложности примерно 40 % ценностных ориентаций в плоскости первого фактора несли в себе оптимистические жизненные перспективы. Можно констатировать, что семантическая наполненность ценностных ориентаций в этой плоскости фактора «оптимистическая жизненная перспектива — пессимистическая жизненная перспективность» определяется оптимистическими, многообещающими векторами в плане выражения себя в социуме, в узком кругу значимых взрослых и сверстников. И это вполне оправдано тем, что возраст наших испытуемых предполагает оптимистичность как внешнего, показного плана (одевается модно с иголки, занимается аэробикой, спортом, ведет себя манерно и др.) так и внутреннего плана (много читает книг о любви). Можно даже говорить о том, что семантическая наполненность во-

шедших в этот полюс первого фактора ценностных и жизненных ориентаций, несет в себе потенциальную опасность в виде ущемленности, подавления биологически значимых потребностей и ценностей ради их реализации.

Некоторую настороженность вызывают те ценностные и жизненные ориентации («молча терпит оскорбления в свой адрес», стремится быть всегда в тени» и «никогда не высказывает своего мнения»), которые оказались в плоскости полюса «пессимистическая жизненная перспективность». На личностном уровне, т. е. на уровне личностных смыслов эти ценности не придают должного оптимизма в их жизни. Более того, они с тревогой думают о том, что эти ценностные и жизненные ориентации будут их преследовать всю жизнь (или по крайней мере еще долго не исчезнут). Не радуется наших испытуемых и такая жизненная перспектива, как «много работать» «умышленно вызывать жалость».

Анализ размещения ценностных и жизненных ориентаций в плоскости второго фактора «демонстративная ущербность — демонстративная самодостаточность», показал, что данная парадигма в структуре ценностных и жизненных ориентаций у наших испытуемых появилась как следствие трансформационных процессов в нашем обществе, а именно — как результирующая дифференциации нашего общества по критерию материального достатка, т. е. на бедных и богатых. Если раньше, в период социалистического пути развития общества, феномены ущербности и самодостаточности носили частный, и в какой-то мере отклоняющийся от принятой нормы, характер, то в наше время эта ценностная и жизненная парадигма приобретает статус обобщенного вектора формирования, развития и трансформации молодого (и не только его) поколения. Почти повсеместной нормой стали призывы об экономической помощи к бизнесменам различного ранга, как со стороны частных лиц, так и со стороны общественных и государственных организаций и учреждений. И, как правило такого рода просьбы строятся на стремлении вызвать жалость, сострадание, беспомощности, т. е. на умышленной демонстрации своей ущербности в той или иной сфере (как правило экономической).

Исходя из такого смыслового основания некоторые ценностные и жизненные ориентации на уровне индивидуального сознания субъекта трансформируются, приобретая тем самым новые смысловые оттенки и доминанты. К примеру, такая ценностная ориентация как «заботится о животных» в пространстве полюса «демонстративная ущербность» может приобретать смысл помощи такому же покинутому, никому не нужному, всеми презираемому существу (собаке, кошке и др.), а в пространстве полюса «демонстративная самодостаточность» может содержать в себе смысл демонстрации окружающим своего благополучия и беспредельной власти над живым существом, которое не только своим внешним видом, но и физиологическими характеристиками (редкость встречаемости данной породы животного, его экзотическая родословная и т. п.) еще больше повышают статус его хозяина в глазах окружающего социума.

Актуальная, для наших испытуемых, парадигма в виде полюсов третьего фактора «гуманистическая социальная адаптивность — агрессив-

ная социальная дезадаптивность» свидетельствует о том, что смысловая компонента ценностных и жизненных ориентаций задается как минимум гуманистическими и агрессивными тенденциями. Так, достаточно высокие проекции таких оценочных ориентаций, как «стремится быть в тени» и «часто посещает места культурного отдыха» на полюс «гуманистическая социальная адаптивность» несущие в себе взаимоисключающие векторы (быть в тени и стремиться быть в центре группы) объясняются тем, что эти ценностные и жизненные ориентации задают своеобразную полярность, в которой реализуется адаптивный процесс без особого вреда для окружающих, т. е. по большому счету, в гуманистическом ключе. Смысловая составляющая таких ценностных и жизненных ориентаций, как: много говорит, стремится выделиться среди других людей; молча терпит оскорбления в свой адрес; никогда не высказывает свое мнение; много работает и др. приобретает совершенно другой смысл, который детерминирован спецификой адаптационного процесса к социуму представителями молодого поколения. Здесь уже жизненная ориентация «много говорит, стремится выделиться среди других людей» приобретает смысл активной формы адаптации субъекта, а не реализации демонстративных тенденций в коммуникативном процессе.

Жизненная ориентация «молча терпит оскорбления в свой адрес» нивелирует смысл ущербности, серенького человечка, гадкого утенка, и актуализирует смысл переосмысления существующей в сознании личности системы ценностных и жизненных ориентаций и их коррекцию с задаваемой из вне системы ценностей. Это уже не столько процесс эмоциональных переживаний, сколько интеллектуальный, мыслительный процесс принятия того или иного решения (относительно объективности и личностной значимости той или иной ценности в процессе социализации субъекта в том или ином социуме).

Анализ проекций ценностных и жизненных ориентаций на полюсе «агрессивная социальная дезадаптивность» показал следующее. Ценностные и жизненные ориентации, получившие высокие проекции на полюсе «агрессивная социальная дезадаптивность» (может поругаться с родителями; постоянно устраивает скандалы; завидует всем, у кого благополучно сложилась жизнь, может унижить другого человека и др.) несут в себе дезадаптивные векторы. Скорее всего, дезадаптивность в этом ключе, может трактоваться как стремление вырваться, выйти за рамки прежнего адаптивного состояния (в семье, в школе, в спортивной команде, в кругу сверстников) и презентовать себя в новом качестве, т. е. в новой системе взаимоотношений. А поскольку дипломатические, педагогические и гуманистические навыки реализации этого процесса адаптации у молодого человека еще не получили должного уровня, процесс социальной адаптации принимает агрессивную форму. В связи с этим, смысловая компонента некоторых ценностных и жизненных ориентаций может приобретать неожиданные специфические трактовки. Так, жизненная ориентация «завидует всем, у кого благополучно сложилась жизнь» в плоскости этого полюса приобретает смысл ненависти, негативизма, словесной и поведен-

ческой агрессии, а не радости, умиления, стремления разделить с ними их радость и счастье. Смысл ценности «умышленно вызывает у окружающих жалость» в плоскости этого полюса «агрессивная социальная дезадаптивность» может трактоваться не как попытка вызвать у окружающих ту или иную эмоциональную реакцию, чувство сопереживания и сострадания, а как требование от окружающих немедленно оказать помощь. Содержательная сторона выделенной парадигмы в форме четвертого фактора наводит на мысль о том, что личность имеет как целостные, системно-структурные образования характеризующие «образ Я», так и неструктурированные, разрозненные качества, характеристики такого феномена как «образ Я». Ценностные и жизненные ориентации здесь, по-видимому, берут на себя функцию системообразующего элемента при формировании (развитии или деградации) личности и такого субъектного образования, как «образ Я».

Можно констатировать тот факт, что осмысление субъектом значимых для него ценностных и жизненных ориентаций, которые находятся между собой в определенном противоречии («одевается всегда модно с иголки» и «умышленно вызывает у окружающих к себе жалость», «стремится всегда быть в тени»), а также такие ценностные ориентации как: «молча терпит оскорбления в свой адрес» и «может унижить другого человека» приводит к деформации «образа Я». Мы не можем здесь определиться с тем, что в этих процессах самоактуализации «образа Я» и формировании смыслового компонента ценностных и жизненных ориентаций является первичным, а что — вторичным, т. е. что выступает в роли детерминанты, а что в виде результата. Это проблематика будущих исследований, но уже сегодня отсутствие ответов на данный вопрос существенно сказывается на эффективности процесса формирования гармоничной, патриотичной личности.

Несколько иная картина наблюдается в полюсе «самоактуализация целостного образа Я». Здесь ценностные и жизненные ориентации не вступают в противоречие и могут существовать в виде определенной целостной системы («много работает», «заботится о животных», «занимается аэробикой, спортом»). Можно предположить, что отсутствие противоречий в системе ценностных и жизненных ориентаций обуславливает и определенную целостность, системность самоактуализации «образа Я» как целостного образования. При этом, вопрос о первичности роли одного из обозначенных процессов самоактуализации «образа Я» и формировании смыслового компонента ценностных и жизненных ориентаций остается открытым.

Подводя итоги можно отметить следующее: все большее количество психологов переносят акценты исследовательских программ мотивационной и ценностной сфер личности в плоскость смыслообразующих конструктов мотива и отдельно взятой ценности; смысловая компонента той или иной ценностной ориентации определяется не столько нормативными критериями данной ценности в определенной культуре или этносе, сколько характером общей жизненной, бытийной направленности, актуализированных в структуре глобальных ценностных парадигм конкретного субъекта, т. е. в его субъектности; в рамках нашего исследования могут быть переосмыслены предложенные Личко отдельные акцентуации характера (так, смыс-



ловая составляющая, такой акцентуации характера, как «демонстративность» может трактоваться не как форма реализации чувства «взрослости» в подростковом возрасте, а как поиск формы адаптации подростка в значимом для него социуме); обозначенный новый подход к проблеме трансформационных тенденций системы ценностных ориентаций личности в корне меняет ориентиры воспитательной и образовательной практики в школе, в специальных учебных заведениях, в ВУЗах, вектор которой должен быть направлен не на создание определенных воспитательных и образовательных трафаретов, шаблонов, а на создание таких условий (творческой платформы), которые бы позволили личности максимально реализоваться как субъекту, творящему самого себя.

### **Список литературы**

1. Алисов Д. А. Социально-культурный облик городской молодежи в условиях «перестройки» и современных реформ / Д. А. Алисов // Вестник Омского университета. Специальный выпуск 3. — Омск, 1996. — С. 71–72.
2. Гайнер М. Л. Правосознание подростков / М. Л. Гайнер. — М. : Магистр, 1998.
3. Гулевич О. А. Социальные представления о преступлениях в межличностной и массовой коммуникации / О. А. Гулевич // Вопросы психологии. — 2001. — № 4. — С. 53–68.
4. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций молодежи в условиях социально-экономических изменений / Н. А. Журавлева // Психологический журнал. — № 1. — 2006. — С. 34–44.
5. Змановская Е. В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения / Е. В. Змановская. — М., 2003.
6. Зотова О. И. Направленность личности и социальная регуляция поведения молодежи / О. И. Зотова // Психология личности и образ жизни. — М. : Наука, 1987. — С. 30–33.
7. Климов И. А. Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности / И. А. Климов // Трансформация идентификационных структур в современной России / под ред. Т. Г. Стефаненко. — М. : Московский общественный научный фонд, 2001.
8. Лебедева Н. М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре / Н. М. Лебедева // Психологический журнал. — 2001. — № 3. — С. 26–36.
9. Мельвиль Ю. К. Американский прагматизм / Ю. К. Мельвиль. — М., 1957.
10. Рейнвальд Н. И. Личность как предмет психологического анализа / Н. И. Рейнвальд. — Харьков, 1974.
11. Тепляков Н. Н. Психосемантический подход к диагностике субъективной системы ценностей / Н. Н. Тепляков // Наука и образование. — 2002. — № 6. — С. 28–33.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла: введение в логотерапию / В. Франкл // Доктор и душа. — СПб. : Ювента, 1997. — С. 13–152.
13. Klakhojn F., Stodtbeck F. Variation in value orientation. — N. Y., 1961.
14. Schwartz S. H., Bilsky W. Towards a psychological structure of human values // J. of Personality and Social Psychology. — 1987. — V. 53. — P. 550–562.

**М. М. Тепляков**

кандидат психологічних наук,  
доцент кафедри загальної психології та психології розвитку особистості  
Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

**О. В. Азаркіна**

старший викладач кафедри соціальної психології  
Одеського політехнічного університету

**ПСИХОСЕМАНТИЧНИЙ АНАЛІЗ ТРАНСФОРМАЦІЙНИХ  
ТЕНДЕНЦІЙ ЦІННІСНИХ ОРІЄНТАЦІЙ МОЛОДІ В ПЕРЕХІДНИЙ  
ПЕРІОД СУСПІЛЬСТВА**

**Резюме**

У статті розглядаються проблеми трансформації мотиваційної сфери і ціннісних орієнтацій особистості в умовах формування нових методологічних парадигм. Проводиться диференціація понять «цінності», «ціннісні уявлення» і «ціннісні орієнтації», девіантна і делінквентна поведінка. Представлені результати експериментального дослідження трансформації системи ціннісних орієнтацій і мотиваційної сфери особи.

**Ключові слова:** трансформація, ціннісні орієнтації, девіантна поведінка, психо-семантика свідомості, мотивація, семантичні простори, особистість.

**N. N. Teplyakov**

candidat of psychologscal science  
associate professor of the general psychology and psychology of personality  
development  
Odesa I. I. Mechnikov National University

**E. V. Azarkina**

senior teacher of chair of social psychology  
of the Odessa polytechnical university

**THE PSYCHOSEMANTIC ANALYSIS OF TRANSFORMATION  
TENDENCIES OF VALUABLE ORIENTATIONS OF YOUTH  
IN THE TRANSITION PERIOD OF SOCIETY**

**Summary**

In the article the problems of transformation of motivational sphere and valued orientations of personality are examined in the conditions of forming of new methodological paradigms. Differentiation of concepts is conducted «values», «valued presentations». The results of experimental research of transformation of the system of the valued orientations and motivational sphere of personality are presented.

**Key words:** transformation of the valued orientations, psychosemantic consciousness, motivation, semantic spaces personality.